

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

О художнике В.А. Игошеве

Написать текст для игошевского альбома казалось мне задачей неразрешимой. Почему? Причин несколько. Главная из них: этот текст уже существует, и сам альбом существует. Какой смысл повторяться? Я имею в виду добротный текст заслуженного художника России Сергея Горяева под названием «Мастер и его Дом».

Я же могу только высказать свое отношение к отдельным любимым мною произведениям художника. И к самому Дому, так как сам Дом является произведением искусства.

Прежде чем сказать несколько слов о художнике Владимире Александровиче Игошеве, я должен рассказать о собственных взглядах на искусство. На живопись, на творчество русских и зарубежных живописцев.

Чудеса на нашей земле были всегда. К числу нынешних чудес я отношу Туринскую плащаницу. Священник Вячеслав Синельников в своей книге подробно описывает ее первое появление, историю и нынешнее состояние. Эта книга издана Московским Сретенским монастырем. Любой верующий москвич или гость Москвы может полюбоваться большой фотографией Туринской плащаницы, висящей на стене собора Сретенского монастыря.

После знакомства с книгой Вячеслава Синельникова у меня слегка изменился взгляд на искусство и научную логику. Отношение к живописи и науке стало несколько иным. Кстати, научный подход к Туринской плащанице привел ко многим научным открытиям. Это ли не чудо? Независимо от этого факта я должен сказать, что я рьяный сторонник реализма в живописи и музыке и активный противник всяких супрематизмов и деятелей типа Казимира Малевича, создавшего знаменитую картину «Черный квадрат». Не люблю живописцев, причастных к созданию оперы «Победа над Солнцем» (текст А. Крученых, музыка М. Матюшина).

С этих и только с этих позиций могу что-то сказать и о художнике В.А. Игошеве. Мой «конек» в искусстве – только реализм. Один реализм и в музыке, и в живописи!

Мои взгляды на художников и композиторов одинаковы, как говорится, идентичны.

О гармонии и цветовой соразмерности

Что касается моих любимых картин Игошева, то их довольно много, и люблю я их по-разному. Одни мне нравятся больше, другие меньше. Но мне совсем не хочется полемизировать с Игошевым...

Только об одном этюде к картине «Снегири – дети Севера» можно говорить бесконечно. А картин и портретов Игошева не счесть. Особенно мне любы пейзажи «На Оби» (1992; картон, масло), «Автопортрет» (1990), «Портрет оленевода Тасманова» и «Воспоминание о Суватпадуне».

Манси-охотник. 1973

Как хорош холст 1981 года под названием «В лесу»! Ничто в нем не выпячивается, все гармонично.

Все просто, ничто не режет глаз. Темные лапы деревьев, семейка грибов-красноголовок около трухлявого, упавшего от старости пня. Изогнутые осины, прямые стволы берез. Посредственный художник непременно написал бы красные шляпки грибов резче, нарушая общую гармонию картины. Игошев не искуссился сделать это.

То же самое можно сказать и о картине 1980 года. Игошевский Лыско, хоть и пес, но по-человечески выразителен. Его лапы, и шерсть, и нос, и голубоватый снег – все естественно, просто!

Та же простота в этюде «Снегири – дети Севера». Какие мощные, сво-

бодные мазки, как проникновенны детские глазенки, как пушиста детская одежда! В картине «Берега Сосьвы» (1983) вода тяжела и чиста, берег лесной по-северному суров, и тайга не противоречит ни воде, ни уже холодеющим небесам. Ничего броского, резкого – и в то же время графическая четкость очертаний. Посмотрите, как тщательно написаны оленьи рога в картине «Всюду жизнь» (1977).

Очень мне дорого в Игошеве то, что он никогда не идеализирует людей в портретах, не стремится их приукрасить. И природу Игошев не приукрашивает. Снег так снег. Мороз так мороз. Стареет «Дом охотника Рокина» – значит, стареет! Правда во всем. Дома. Лунные ночи. Реки и океаны. Леса. Все до предела правдиво!

О призвании люди пишут целые диссертации. Призвание. Что это значит? Бывает призвание к музыке. Например, у Валерия Гаврилина было призвание к сочинительству музыки. Верность призванию очевидна и у покойного Гаврилина, и у старика Владимира Александровича Игошева.

Внятно ли я, Белов В.И., говорю о призвании?

Великий француз Блез Паскаль утверждал: «Ничто не останавливается ради нас». Одна эта фраза дает понять, что Паскаль считал движение, изменение основным свойством окружающего мира. Он, Паскаль, был знаменитым ученым-изобретателем, верящим в Бога, католиком. Он говорил о живописных картинах так: «Смотреть на них слишком близко или уж совсем издалека – одинаково плохо, должна быть одна неизменная точка, с которой картину видно лучше всего. Другие точки зрения слишком

У таежной избушки. 1979

близки, далеки, высоки или чересчур низки. В искусстве живописи перспектива помогает определить такую точку, но кто возьмется сделать это в вопросах истины или морали?» Эти слова – слова верующего человека. Они особенно роднят Паскаля с русскими художниками, с русской национальной школой живописи.

Почему так волнует меня, автора этого текста, подлинная реалистическая живопись? Дожил до седых волос, а до сих пор не могу спокойно смотреть на «Троицу» Андрея Рублева или на его же «Спасителя». Неужто я, многогрешный, по-настоящему теперь верю в Бога? Но ведь и раньше, в атеистическую пору, меня сильно волновали и саврасовские «Грачи», и левитановская «Большая вода», и еще многое. Вот и думаю, в чем дело? А сколько на Руси вообще живописцев было, да и сейчас есть! Одни гениальные, другие так себе. Но особо почему-то волнуют гениальные. Всех и перечислить весьма трудно. На меня особенно воздействуют пейзажисты вроде Поленова или Саврасова, а другие, к примеру, Вл. Корбаков, оставляют равнодушным. А ведь он земляк и живой мой со-

временник! Впрочем, и Глазунов мой современник... Почему же два последних волнуют меня меньше? Впрочем, и тот, и другой по выбору в более раннем возрасте волновали... А, скажет заядлый специалист, значит, ты выбираешь, выбираешь и среди живописцев и среди картин одного кого-либо. Да, а как же иначе? Разумеется, выбираю. Выбираю и среди живых, и среди мертвых. Слава Богу, в российской живописи есть из чего выбирать! Конечно, среди живых живописцев маловато таких, каким был, например, Федор Васильев. Что поделаешь, говорят, год на год не приходится, одинаковых веков не бывает. Вспомним, что говорил Блез Паскаль: «Ради нас ничего не останавливается». Я переставил всего лишь слова в фразе Паскаля, и то фраза стала другая! Всё на свете меняется, и хорошо ведь, что меняется, ничего нет одинакового. Все на свете разные, не похожи друг на друга, и хорошо, что разные. Вот, например, И.Н. Крамской говорил о картине Федора Васильева «Мокрый луг» так, а я с ним, с Крамским, не согласен, толкую о «Мокром луге» несколько по-другому. Мне эта картина нравится по другой причине и больше, чем иная картина этого же художника – картина, где изображены «Крымские горы». Художники вообще очень странный народ, и одинаковых нет и не будет.

Критиков, интерпретаторов живописи тем более одинаковых нет и тоже, вероятно, не будет. Даже энциклопедии они составляют по-разному, один так, другой иначе. В доказательство приведу пример с Малой популярной энциклопедией. В этой энциклопедии художника Вахрушева нет вообще. Да нет его и в БСЭ! Как не вспомнить Фамусова с его восклицанием: «Все врут календари!» Хотелось мне сравнить Вахрушева с... с кем? Ну, например, с Шагалом. Увы, Марк Шагал везде присутствует, а Вахрушева нема. В чем дело? Оставим эту загадку «критикам критиков», «интерпретаторам интерпретаторов», поедем дальше.

Сразу после рождения каждый человек дышит. Его надо кормить, оберегать от холода. Все просто и ясно. Он умрет, если не дать ему есть, дышать. Только при упомянутых условиях младенец начинает понимать первые человеческие слова, то есть осваивать язык. Человек начинает учиться есть, пить, ходить, понимать слова, он начинает мыслить. Что значит мыслить? Когда человек уже мыслит, он начинает понимать необходимость учиться, необходимость слушать, необходимость читать и писать, если он не глухонемой и не полный идиот. Но глухонемых людей рождается немного, и для них тоже существуют буквы. Полных идиотов рождается еще меньше, поэтому и говорить о них сейчас не стоит. По-толкуем о нормальных здоровых людях – о нормальных, понимающих слова детях.

Отчего я заговорил о словах? Потому что Слово – это всё! Как не учиться русскому человеку и вообще человеку Языку. Слову? Без Слова нельзя ни читать, ни писать, ни слушать народную песню. Все в мире начинается со Слова! И первые буквы, и первые звуки – в Слове. Никакое образование невозможно без Слова, то есть без Бога. Потому и пишут это слово с большой буквы. Язык существует у каждого народа, живущего на планете Земля. А сколько народов живет на нашей планете? Не счесть! Не счесть и языков существующих и звучащих! Есть и мертвые языки, то есть уже отслужившие человеку. Но мертвые, не звучащие языки также живут и звучат. В науке... Но наука без учебы, без образования вообще невозможна.

Уже говорилось, что нет одинаковых художников, одинаковых писателей, одинаковых создателей чего-то доброго и хорошего, то есть мастеров. Кого из людей мы назы-

Сборы в дорогу 1973

ваем так? Есть мастера по профессиям, всех не перечислишь. Есть даже спортивные и рекламные. Есть мастера по всякому художеству, в том числе художники и поэты. Среди них и В.А. Игошев, портретист и пейзажист, о коем я уже писал не однажды. Кстати, и сам Игошев иногда пишет стихи. Редко, но пишет.

...Не так давно я лечился в некрасовских местах, а точнее – в Больших Солях Ярославской области. Там я познакомился с местным писателем, который подарил мне «Ярославский альманах» за 2002-й год, изданный в «Рыбинском подворье» тиражом всего пятьсот экземпляров! Читал я этот альманах, читал и от души радовался. Потому что очень богата Ярославская земля талантливыми людьми – и поэтами, и прозаиками. Очень понравился прозаик Евгений Ржанов с его рассказом «Проклятие шамана», и поэты оказались достойными своего великого земляка Н.А. Некрасова. Я имею в виду прежде всего Сергея Хомутова и Евгения Гусева. У Гусева есть стихотворение о художнике-французе Ван Гюге. С картинами Ван Гюга я близко познакомился, когда ездил во Францию. Еще раньше запомнилась чья-то лекция о Ван Гюге. Лектор (не помню фамилии) говорил о художнике и показывал работы, оказавшиеся в то время в Москве. В частности, автопортрет с отрезанным ухом. Да, некоторые ху-

дожники действительно ведут себя странно. Пример Ван Гога в этом смысле весьма показателен. Он, говорят, протестуя общепринятым нормам поведения, боролся с обычной симметрией и сам отрезал себе ухо.

Стихотворение ярославца Евгения Гусева как раз и написано об этом («Ярославский альманах», с. 110). Тот же автор посвящает другое стихотворение О.П. Отрошко и говорит:

*Рисуй, твори, художник.
Пиши в тиши, в глуши,
В подснежник, в подорожник
Вдыхай весь жар души.
Рисуй стога и вишни,
Ворону на столбе.
Рисуй, пока Всевышний
Не требует к себе.
Рисуй потоки света,
Дорогу, светлый храм, –
Тебе зачтется это
И на земле и там!..*

Предыдущие стихи Е. Гусева, посвященные В. Галюдкину, тоже хотелось бы выписать.

Владимир Александрович Игошев родился в 1921 году в Башкирии, на хуторе близ села Аскино. Учился в Уфимском художественном училище. С 1940 года – в рядах Красной Армии. В годы Великой Отечественной – артиллерист, потом разведчик. «В первые дни не мог рисовать, но позже, когда война стала каждодневным явлением, я снова взял в руки карандаш... Рисовал то, что видел: пушки, лошадей, ящики со снарядами, но чаще своих боевых товарищей – артиллеристов, разведчиков», – вспоминал потом художник в книге «Глазами сердца». В Сталинградской битве Игошев был тяжело ранен и списан «на гражданку». В 1944 – 1950 годах учился в Московском художественном институте имени В.И. Сурикова. Через четыре года – первая поездка в Ханты-Мансийский автономный округ. С тех пор творческая жизнь художника связана с Крайним Севером.

Владимир Александрович – автор тысяч полотен и рисунков. Его первая персональная выставка состоялась в 1944 году в Уфе, и если это событие можно отнести за счет поблажек (молодой ветеран, фронтовые зарисовки), то персональная выставка в Москве в 1956 году – это серьезная заявка на признание.

Государственная премия Российской Федерации имени И.Е. Репина присуждена Игошеву в 1982 году. Звание народного художника СССР – в 1990-м. Считается, что Владимир Александрович – последний, кто был удостоен этой чести.

Полотна Игошева радуют глаз посетителей Третьяковки и Русского музея, а «далее везде» – от Тюмени до Японии, от Англии до Аргентины.

В газете «Российская кооперация» В.А. Игошев назван великим мастером живописи. В интервью, взятом В. Носковым для газеты, есть важный диалог об Апокалипсисе:

– Владимир Александрович, как получилось, что Вы, сын башкирских степей, стали писать о жизни Севера?

– А время было такое. Уже не первый год народное хозяйство СССР осваивало окраины страны. Вспомните хотя бы эпопею «Челюскина» или роман Василия Ажаева «Далеко от Москвы» о первых строителях БАМа. Другое дело, что процесс промышленной колонизации проходил хищнически, но с большой пропагандистской подготовкой. Вся страна, затаив дыхание, следила, как Алитет уходит в горы, и радовались за мальчика-эскимоса, которому посчастливилось с берегов угнетенной Аляски сбежать на благословенную Советским государством землю Чукотки. Понадобилось полсотни лет, чтобы коромысло общественного сознания качнулось в другую сторону, чтобы вокруг заговорили, как вредны для аборигенов русский мат, пристрастие к «огненной воде» и другие нововведенные обычаи.

Но я и в пятидесятые годы стремился думать и рисовать по правде. Мне стали дороги наивные и добродушные жители Ханты-Мансийской земли. Не сразу, но я все же осознал, что этим детям природы, людям с самобытным мировоззрением и образом жизни приходится в первую очередь расплачиваться за Сургут и Нижневартовск, за пресловутые нефтедоллары.

В те годы меня часто упрекали в легковесности и бытовщине. Ну что ты, мол, изображаешь? Старикостарухи с трубками, младенцы в люльках, олени с собаками... А где покорители природы, первопроходцы, герои буровых? Но я старался запечатлеть мир, который может уйти безвозвратно. Сохранить его в памяти человеческой – хотя бы на холсте, но в реальной палитре красок.

– У меня под рукой, как «рояль в кустах», статья писателя Василия Белова о Вашем творчестве. Опускаю хвалебные и вполне справедливые слова в Ваш адрес. Выделяю лишь главное, что объединяет автора философско-публицистического исследования «Лад» и живописца Игошева: «Неосознанная человеческая угроза Апокалипсиса ощущается лишь после того, как поближе познакомишься с этими северными художественными образами».

– Так я об этом и говорю. Дело не в том, как думают Белов, Игошев, десятки или даже тысячи других. Дело в массовом сознании. Я же видел, как беднели материально

Дарья Ефимовна Самбандалова. 1973

14 Бригадир оленеводов Егор Васильевич Хозяинов. 1979. Холст, масло. 205 x 145

и духовно коренные жители тундры. Оленеводство у них падало, потому что вездеходы и бульдозеры безжалостно уничтожали ягель по всей округе. На искореженных гусеницами местах ягель восстанавливается лишь через сто лет! Да и пасти оленей стало некому: молодежь уходила на заработки к нефтяникам. Промышленные города росли, а коренные поселки хирели. Я был свидетелем горьких размышлений местных жителей о том, что их народ швырнули на жертвенный алтарь цивилизации, чуждой и непонятной им.

А возьмите природу, частью которой является человек. Каждый уголок нашей земли имеет свой неповторимый колорит. У каждой реки свой живописный облик, живописный строй, как у каждой песни своя мелодия. Я немало поездил по свету, был в десятках стран. И успел убедиться, что в мире люди все больше осознают необходимость жизни в гармонии с природой. Создаются и активно действуют различные социальные движения. Да, в их рядах немало радикально настроенных экстремистов, например, в среде «Гринпис» или «антиглобалистов». Но ведь любой экстремизм – это реакция на безделье, эгоизм или элементарное равнодушие власти.

– Наверное, в первую очередь надо активнее поднимать духовный уровень населения...

– А в каком смысле его поднимать, с какой стороны? Религиозной, эстетической, нравственной? Абстрактно все знают, что жить надо по совести, а не по лжи. Ну и что? Недавно возле нашей церкви видел картину: прошел человек средних лет, перекрестился на звонницу, а через десять шагов бросил в траву коробку из-под сигарет. Жильцы окружающих домов выбрасывают из окон разную гадость, лень до мусоропровода дойти. Но ведь они в этом микромире живут, неужели им приятна эта грязь?

– Так ведь, Владимир Александрович, сами говорите, что ягель восстанавливается через сто лет...

– Ну, раз так, что через сто лет и вернемся к этой теме.

Шутка уравнивала старческое ворчание. А вообще-то в свои преклонные годы Игошев жизнерадостен и энергичен. Пренебрегая недугами, учит молодежь, участвует в вернисажах коллег. И конечно, не забывает мольберт. Когда его рука берется за кисть, каждый мазок точно находит свое место.

Вот мощный портрет: «Бригадир оленеводов Е. Хозяинов». Обычный мужчина с завязанным, видимо, поврежденным пальцем правой руки, облокотился на нарты, запряженные в оленью упряжку. Два пса дремлют у его ног. Левая рука охватила ремень с оленеводческими пожитками, прицепленными на металлических подвесках. Мороз! Это заметно и по следу, и по фигуре оленевода. Так и хочется позвать его в теплое место. Вот такой портретист В.А. Игошев! А мне после чтения статьи Л. Лукьяновой захотелось спросить у нее, что такое колорит. Долго я искал русский корень этого слова. Напрасно. Корень этот не русский, он итальянский, от латинского колор – цвет, окраска.

Передается ли талант художника по наследству? Этот вопрос очень болезненно-провокационный. Конечно, всем родителям думается, что передается все, даже талант. Однако они часто ошибаются, спутывая талант с умом. Разумеется, ищут в родных людях талант. Особенно этим страдают матери. Многие усиленно ищут родство с дальними своими предками, но часто не находят никакого сходства ни с собой, ни с предками. Иногда сходство бывает и по уму, и по таланту. Обнаружив сходство,

мамаша враз успокаивается, начинает даже гордиться. Вера не дает ей заходить слишком далеко, терять самокритичность. Кстати, у взрослых дочери или сына тоже должна быть самокритичность, но ее-то часто и не хватает. Но надо дерзать, надо пробовать, может, ты и впрямь имеешь не только ум, но и талант. Не будешь пробовать – не обнаружишь ни таланта, ни ума. Вспомним мудрую притчу о зарывании в землю таланта. Обнаруженный талант человек зарывать в землю не должен. С помощью ума он будет развивать талант, совершенствовать его. Вот и вся проблема с так называемой наследственностью, других нет. Выходит, существует теория наследственности? Но по этой теории отец и мать В.А. Игошева тоже талантливы? Наверное, нет. В том смысле, в котором осуществляется творчество. Хотя, конечно, каждый и умен и талантлив по-своему.

Мне непонятно, почему в некоторых статьях (в частности Александры Шатских) Игошева называют Гогеном или еще кем-то. Причем тут Гоген? Игошев пришел в Югру без иностранной помощи, именно как русский художник. Сама статья Александры Шатских утверждает именно это, а не что иное. Без русского реализма, без русского взгляда на реализм в живописи, без русских традиций во взглядах на все малые народы, населяющие Россию, без этих общих взглядов Игошев никогда бы не появился.

О полотне «В родном краю» автору с читателями альбома хотелось бы поговорить отдельно в плане живописном и в плане биографическом. Впрочем, оба эти плана для художника неразрывны, а для интерпретаторов творчества тем более. Я, к сожалению, не знаю точного названия картины, так как в приглашении на одну из выставок В.А. Игошева ее названия нет. А выставка была серьезная, представительная. Ее представляли администрация Ханты-Мансийского автономного округа, Правительство Москвы, еще не сожженный Манеж (зал «Новый Манеж»).

По моим представлениям, на картине изображена весна. Реалистическое изображение, вероятно, родных мест В.А. Игошева. На фоне жухлой прошлогодней травы (свежая зелень еще не просматривается), а также редкого, но стройного леса художник написал кобылу с жеребенком – Мать и Дитя. Я пишу эти два слова с большой буквы, так как эта тема – тема материнства – частенько звучит у Игошева. И в детских портретах, и в бытовых картинах.

Этим произведением Игошев снова напомнил мне И.И. Левитана, его «Летний вечер» и «Вечерний звон». Любимая художником тема природы в этой картине выражена с особенной любовью, вероятно, потому, что сказывается близость родных мест, где трудились предки Игошева да и сами его родители, все крестьяне села Аскино. И башкиры, и русские, многие из которых были в сталинские времена раскулачены и разогнаны кто куда. Может быть, и эта лошадь, и этот жеребенок, прильнувший к матери, долго, слишком долго помнили эти времена...

Чудные дела происходят иногда на Руси. Владимир Александрович давно заслужил звание академика, но власть предрержащие и крепко за нее цепляющиеся дали ему лишь звание народного. Конечно, народный-то он народный, это и без властей ясно. Но нынешние демократы, особенно те, кто неравнодушен к чинам, с некоторой издевкой глядят на это прилагательное и произносить вслух этот эпитет побаиваются – как бы не вышло чего плохого. Конечно, Игошев обойдется и без высоких чинов, уже давно

В далеком поселке. 1977. Картон, масло. 85 x 70

1374777

Вологодская областная
— универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

обошелся. Звание народного ему дали накануне перестроечной заварухи. Фактически он, семидесятилетний старик, уж и без того был народным. Истинно народным!

По-видимому, сработала чисто «демократическая» зависть. Столпы, причастные к академикам и властям, ревнуют и к званиям, и друг к другу. А министры, типа недавно отстраненного от руководства культурой, нужны, потому что, хоть Швыдкой и отстранен от власти, автор боится его по-прежнему. Вот какова власть ныне!

Иван Филиппович Тихонов. 1979

шли стальные гусеницы тяжелых тракторов и новомодных кранов. Так и хочется прочесть молитву. Одну из тех молитв, которые читала мать Владимира Александровича – Ольга Филипповна.

Взгляните, люди добрые, хотя бы на такую картину В.А. Игошева, как «Первая любовь» (1981). На белом фоне чистых снегов лежит отдыхающий олень, а другой, запряженный, с колокольчиками, стоит рядом. На переднем плане изображена девочка в желтом платке. Ее ухажер выглядывает из-за запряженного оленя, который с колокольцами. «Какая идиллия!» – насмешливо скажет какой-нибудь многотрудный эстет.

Интересный случай произошел недавно с молодыми художниками-реалистами. Они повесили в Третьяковке свои работы. Повесили чуть ли ни в коридорах. О, что тут поднялось в среде чинов и начальствующих! Не удержусь, перечислю молодых (да они уж не такие и молодые!). Это Илья Каверзнев, Сергей Смирнов, Николай Анохин и Николай Третьяков. Достаточно большая компания русских реалистов. Еле устояли они под напором демократов нового времени. Живет и будет жить в России подлинный реализм в живописи.

Автору этого текста для Игошевого альбома портреты кисти Владимира Александровича «знаменитости» (композитор Арам Хачатурян, народный артист Н.А. Анненков), хотя они написаны на высоком уровне, нравятся меньше, чем портреты ханты-мансийских детей. Знаменитости позируют, а дети простодушно-бесхитроутны и улыбкивы. Своими ножонками они бережно ступают в олений мох, в ягель, растущий вечно и восстанавливающийся лишь через столетие после того, как по нему про-

Но ведь это и в самом деле идиллия! Спящий отдыхающий олень, пятилетние, а может, еще младше, детки – разве не современная идиллия?

Владимир Александрович даже стихи пишет – разве это не родство с гениальными создателями образов, например, с Микеланджело? Вот одно из его стихотворений:

*При суете мелькавших жизни дней
Нередко забываем мы друзей.
Когда трудов кончается стезя,
Нам чаще вспоминаются друзья.
Порыв дерзаний в сердце молодом
Мы оставляем чаще на потом.
Проходит жизнь, и весны отшумели,
И видим мы, как много не успели.*

За одну картину «Мудрая Югана» я дал бы Владимиру Александровичу Игошеву самое высокое звание, которое существует в стране, в нашей России. Портретист мудр.

А взгляните на «Озорницу» Игошева, написанную в 1956 году. Только тупой чиновник останется равнодушным при виде этой девочки.

Немаловажна для художника поза, в которой сидит или стоит человек, которого рисуют или пишут красками. Поза когда-то хорошо мне знакомого хлебороба Терентия Мальцева естественна, свободна, и портрет получился хорош. Человек сидит, словно живой, без напряжения. То же самое можно сказать о девушке с белоснежными лайками, смотрящими на океанскую воду и летающих чаек. Потрясающий образ природы и человека! Все, даже камни, говорит своим языком. По этой картине можно понять, ответить на вопрос, что значит колорит, – он звучит в единстве природы и человека. Велик океан, необъятен, однако ощущаешь, чувствуешь его необъятность. Кричащие чайки летят и дерутся словно живые, белые лаечки жмурятся и спокойно наблюдают плещущиеся океанские воды и движение суетливых чаек. Много можно сказать об игошевском колорите.

Прекрасна картина «Суеватпауль». На переднем плане – оленья пара, запряженная в нарты. Она мчится мимо северного жилья. Фигура женщины, вышедшей из ворот, дрова. Амбарчик на двух столбах. Второе приземистое строение – то ли амбар, то ли баня, с детской фигуркой. На крышах легкий, пушистый снег, и кругом чистый снег. А всё это на фоне таежных деревьев, за которыми открывается безбрежная сиреневая даль... Так и хочется вдохнуть чистейший воздух, в котором нет ни летней пыли, ни комаров, ни мошкеры – вот что такое Суеватпауль! Легкие тени на снегу от следов, оставленных нартами. Две лыжины на белой от снега крыше. Стена живописного ближнего леса. Легко обозначенная дальняя речка или протока. Городскому человеку не хочется уходить от всего этого.

Или взять портрет женщины, пьющей чай с сахаром. Картина так и называется «Чай с сахаром». Взгляните на ее лицо и руки. Белоснежный кусочек сахара в левой руке, блюдечко в правой так и располагают к урочному чаепитию, к урочному спокойному отдыху... Но ведь отдыхать-то ей некогда, и нам с вами тоже некогда!

Нет, друзья, поистине удивительны свойства настоящей живописи! На примере картин Владимира Александровича Игошева ощущаешь это особо. Я почти физически слышу «песенку северяночки», не зная языка, разбираю слова о первой любви, произне-

Там, за Уралом. 1991. Картон, масло. 50 x 80

сенные впервые в картине «Первая любовь», чую и мудрость, и строгий жизненный опыт, тяжесть старческих лет, отнюдь не безбедные мысли старухи в картине «Мудрая Югана». Почему меня волнует «Портрет девушки» (1962), или северные сборы в дорогу (1986), или Наташа Папуева в одноименной картине.

Очень характерны портреты В.А. Игошева, навеянные общением его с литературой, например, с Шолоховым. Взгляните на портрет «Хитрый Потепка» – и можно не читать про деда Щукаря!

Оленевод, написанный в 1980 году, похож на пахаря-тракториста. То же усталое, может, и трагическое выражение лица, хотя за его спиной не трактор, а рога оленя.

Возвращаясь к вопросу о колорите, я хотел бы напомнить читателю, что большинство картин связано у Игошева с мехами, а писать мех особенно трудно, а если меховая одежда еще и с украшениями, то особенно трудно. Однако Владимир Александрович уже много лет преодолевает эти трудности. Иначе не заинтересовались бы его работами ни в Японии, ни в США.

Вот портрет Екатерины Николаевны Анимкуровой, написанный маслом на картоне (1973). Это повседневная труженица, и видно это не только по рукам. Или взять «Девушку из далекого поселка» (1973), приобретенную одной из японских галерей. Черноглазая, улыбчивая девушка. В обеих картинах удивительные цветовые сочетания. Художник знал и чувствовал, где побольше белить мастихитом, чтобы ослабить красный или изумрудно-зеленый цвет.

А каковы у него натюрморты, изображающие охотничьи принадлежности, скарб, одежду и самодельные корзины, сундуки! У Игошева живыми становятся даже деревья и постройки. Вот картина «Седые амбары» (1960). Розоватые оттенки снега и красноватое небо. Вообще художник очень точно улавливает температуру воздуха. Можно по картинам судить, какова погода, каков мороз и т.д.

На картине «Сотая весна» запечатлена старость, не боящаяся холода. Старуха даже без рукавиц, и лицо ее слегка покраснелось. Эту картину художник оставил себе. Конечно, работу с руками оторвут для любого музея, работа бесценна. Вообще художник очень умело находит названия своим картинам – «Сотая весна». Не лишен В.А. Игошев удивительно жизнерадостного юмора – «Хитрый Потепка» (1969). Этот портрет художник также оставил себе. Слава Провидению, хитрый старик не уплыл за океан, остался на русской земле, на русском холоде. Такой образ манси, видимо, дорог и автору, а нам всем того дороже. Потепка, знай, дымит своей трубкой, от нее тоже тепло и душе, и сердцу.

Северные мотивы Игошева я намеренно не хочу путать с его архитектурно-садовыми ансамблями («Горки Ленинские. Осень», 1986). Куда приятней говорить о живых людях, о живой природе, о живом морозе и о живой снежной тайге, о постройках и живых изгородях, о морозных деревьях...

Вот картина с чумом. Суровость Севера. Холод с неба и холод от земли. Зрителю хочется закрыть вход в чум, впустить в него собак, а главное, человека. А человеку необходимо куда-то ехать, а пороша метет, а небо тревожно, и даже оленям не хочется убежать от жилья. Картина называется «Семейная проза». Она написана в 1986 году.

Меня поражают игошевские вертикали, то ли шесты, то ли промороженные деревья. В снежной круговерти эти вертикали всегда необходимы – они оттеняют и снег, и непогоду, подчеркивают состояние ветреной холодной поры. «Воспоминание о Суватпаду» пронизано как раз таким ощущением снежного холода. Можно представить, каково было художнику, когда писалось это снежное царство.

Но картины с детьми, такие, как «Интересная книга», уравнивают климатическую суровость; портрет «Замечталась», портрет оленевода подтверждают все сказанное. В этих портретах правда игошевская особенно выразительна. А почему мне так нравится картина «На Оби» (1992)? Не может быть, что только из-за обилия птиц и облаков! Есть в этом картоне что-то неуловимое... Есть это неуловимое и в «Автопортрете».

Вот что приходит на ум, рассматривая некоторые картины художника и фотографию дома, построенного в Ханты-Мансийском автономном округе.

Враги Родины напрасно всеми способами отпевают Россию. Нет, пока в России еще есть солдаты, сражающиеся до последней пули и верующие в Бога, пока есть старухи, которые держатся за жизнь до последней таблетки, пока есть женщины, что не боятся рожать младенцев. Пусть новые власти почти начисто растранили экономику, и бюджет государства еле теплится. Но у России есть живые художники типа Игошева, и жива в России поэзия, жива и честная журналистика. Значит, в России все еще будет, нет тут никаких сомнений!